

«А сколько дорогою видели»: Пётр I на пути в Париж

Узнав о предстоящем визите Петра I, президент Совета по иностранным делам маршал д'Юкселль, по словам французского историка, «мужественно принял удар на себя»¹. В первых числах апреля он отдал соответствующие распоряжения коменданту Дюнкерка графу А.А. д'Эрувилю (Henri Antoine de Ricouart, comte d'Hérouville) и исполняющему обязанности местного интенданта Ж.Б.И. Верниману (Jean Baptiste Ignace Vernimmen)². Им предстояло первыми принять высокого гостя, которого ради сохранения инкогнито именовали «важной персоной» или «иностранным господином». Местные власти должны были организовать гостю достойную встречу и размещение, предоставить ему транспорт, обеспечить сопровождение и ночевки по пути в Париж. Президент Военного совета герцог де Виллар также обратился к графу д'Эрувилю с письмом³, в котором коменданту Дюнкерка предписывалось оказывать иностранному гостю воинские почести королевского уровня, а именно: предоставить ему кавалерийский эскорт от границы Франции до Кале; при въезде и на выезде из города приветствовать его тремя артиллерийскими залпами; на улицах города, которыми он будет проезжать, выставить цепочку из пехотинцев гарнизона; около его резиденции выставить охрану во главе с капитаном со знаменем; при его появлении в общественных местах приветствовать его барабанным боем. В случае если высокий гость откажется от почестей, предписывалось «после некоторых настояний» выполнить его пожелания.

¹ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717)*. Documents inédits tirés des Archives étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5. Р. 121.

² Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 123–127.

³ *Teil J. de. Le czar à Dunkerque (1717)*. Р. 124–126.

Королевскому интенданту Пикардии и Артуа Л. де Бернажу (Louis de Bernage) Военный совет рекомендовал выяснить после прибытия царя в Дюнкерк, какие воинские почести и какой прием он желает видеть на пути в Париж. В любом случае царя должен сопровождать эскорт из 15–30 драгунов, которые будут меняться в Гравлине, Кале, Маркизе, Булони. Далее смены эскорта должны происходить в Нёфшателе, Монтрейе, Абвиле, Амьене, Бретейе, Бове, Бомоне и некоторых других местах.

Навстречу царю регент Филипп Орлеанский решил послать камер-юнкера своего двора Этьена Франсуа де Либуа (Etienne François Rossius de Liboy) — опытного королевского слугу, «благоразумие которого было <...> известно его величеству», притом достаточно знатного и опытного. Он должен был приветствовать царя на границе Франции от имени юного короля и регента. Либуа получил соответствующие инструкции и деликатное задание, присмотревшись, обсудить с князем Куракиным вопросы денежного содержания царя и его свиты во время пребывания во Франции⁴. Королевский посланник был уполномочен предложить на содержание русского посольства фиксированную сумму в 1200–1500 ливров в день, не считая расходов на кареты. Так и не успев договориться с Куракиным по этому вопросу, Либуа позже получил указание д'Юкселля не говорить с русскими о затратах, не показывать стремления к экономии. Ему рекомендовали «понравиться царю и обеспечить все удобства главным персонам его свиты», для чего ему предоставлялась «carte blanche» в вопросах финансовых затрат⁵. Сведения о содержании царя и свиты интересовали прессу, и вскоре в газетах появились сообщения, что русский монарх «будет освобожден от затрат за счет короля с того момента, как его нога ступит на землю Франции»⁶.

Основная тяжесть подготовки встречи царя в первом французском городе легла на коменданта Дюнкерка графа д'Эрувиля. Это был старый воин, служивший королю почти полвека и имевший опыт приёма «знатных господ и принцев». Его помощником был исполняющий обязанности интенданта Верниман. Члены городского магистрата во главе с Роже Эрфором (Roger Hereford) также готовились к приёму иностранного гостя. Местному торговцу Колену поручили дополнительно меблировать пустовавший интендантский дом к приезду царя. Ковры, люстры, бра, каминные принадлежности, кровать с балдахином, шторы, картины, зеркала, сту-

⁴ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 127–138.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ Le Nouveau Mercure. Avril 1717. P. 97.

ля с ковровой обивкой и другие принадлежности были предоставлены торговцем во временное пользование за 150 ливров. Комната царя имела «ковровую обивку, картину-гобелен, подставку для дров, каминные щипцы и лопату, 8 стульев, обитых макетом, удобное кресло»; в гардеробной находились кровать с балдахином, два стула и стол⁷.

Когда Э.Ф. де Либуа вечером 11 апреля приехал в Дюнкерк, почти всё было готово к приёму царя. Желая обезопасить себя от неожиданностей, де Либуа собирался отправиться в Остенде, чтобы самому посмотреть, как принимают в Нидерландах царя и каков образ его жизни, а также по возможности заранее встретиться с Куракиным. Но затем этот план был отвергнут, так как удалось связаться с королевским поверенным в Австрийских Нидерландах маркизом де Росси (de Rossi), который прислал из Брюсселя подробное сообщение на этот счет, где в частности говорилось, что царь согласен, чтобы его встречали пушечными выстрелами, что он обходится эскортом в 12 человек, что для охраны его резиденции достаточно 20 человек без знамени, что он обходится четырьмя каретами, наконец, что он не против приветственных речей⁸.

Д'Эрувиль в свою очередь заранее связался с князем Б.И. Куракиным, чтобы уточнить время и место встречи царя. 20 апреля в Дюнкерк прибыл царский квартирмейстер Иван Толстой (?), с которым условились о церемонии встречи⁹. К удовлетворению де Либуа, уровень требований к почестям оказался ниже ожидаемых.

Между тем Пётр I за десять дней (11–21 апреля) совершил путешествие по Австрийским Нидерландам, посетив Антверпен, Брюссель, Остенде, и приблизился к французской границе. Как только в Дюнкерке узнали, что царь отбыл по Фюрнскому каналу из нидерландского Ниупорта в сторону Франции, 21 апреля навстречу ему выехал де Либуа с небольшим эскортом. Встреча произошла без особого скопления народа в местечке Зюдкот, где граница была отмечена руинами большого редута, разрушенного недавно по условиям Утрехтского договора. В три часа пополудни де Либуа поднялся на царскую барку. Куракин представил его царю. Придворный приветствовал царя краткой речью от имени короля и регента, передав их дружеские чувства и удовлетворение по поводу прибытия высокого гостя. Пётр I кратко ответил на приветствие и перешел на барку, присланную из Дюнкерка, предпочтя её карете.

Среди рассказов Нартова есть один, относящийся к прибытию царя во Францию: «Государь, отъезжая к Дюнкирхену и увидя мно-

⁷ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717)*. P. 139.

⁸ *Ibid.* P. 144.

⁹ *Ibid.* P. 141.

жество ветряных мельниц, рассмеявшись, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказал: «То-то для Дон-Кишотов было здесь работы!»¹⁰. Случай этот явно придуман А.А. Нартовым, ибо имя героя романа Сервантеса было совершенно неизвестно в России начала XVIII века. Сам царь, вероятно, впервые услышал его при посещении парижской мануфактуры Гобеленов, когда ему продемонстрировали серию ковров, посвященную похождениям Дон-Кихота. Зато к концу XVIII века, когда писал Нартов, «Дон-Кихот» прочно вошел в русский литературный обиход¹¹.

Журнал царского путешествия даёт краткий отчет о прибытии в Дюнкерк и пребывании там: «<...> Приехали на французский рубеж к слязу, называемому Дюзекибрюк, и тут вышед из судов, сели в каляски, и, переехав два часа, прибыл во французской город Дюнкерк (где была славная крепость и гавань при старом короле французском Людовике 14, и по последнему мирному договору с агличанами и галанцами она разорена). Где стреляли ис пушек, и был его величество там до 14 дня и смотрил фортеции и разоренного гавана и каналов. В то же время французская кавалерия чинила экзерцицию»¹². В журнале допущена одна неточность, которая корректируется сообщениями местных источников: после встречи с Либуа царь плыл до города на французской барке и лишь рядом с городом пересел в карету: «Его Величество остался на корабле и, прибыв, в город, пожелал сесть в карету, запряженную лишь парой, на которой поехал в отведенную ему резиденцию»¹³.

У ворот Дюнкерка царя встречали троекратным салютом городских пушек, затем прозвучали приветствия от коменданта и городского магистрата, который по обычаю поднёс царю бочонок вина. Этот бочонок был украшен городской символикой и царским гербом, его подвезли на колеснице, запряженной шестеркой лошадей в сопровождении эскорта молодых горожан. Впрочем, приезд царя не мог вызвать большого энтузиазма у жителей Дюнкерка, удрученных разрушением городских укреплений и порта в соответствии с условиями последних международных договоров. Поэтому массо-

¹⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 313.

¹¹ См.: *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XV–XIX в. Л., 1964. С. 48, 68.

¹² Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 615.

¹³ Цит. по: *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 162; см. также: Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 139.

вого ликования не наблюдалось. Голландский резидент сообщал, что в Дюнкерке царю был оказан более чем скромный прием¹⁴.

За ужином Пётр I предложил тост за здоровье короля и регента, не отказался он выпить и за собственное здоровье.

Вопросы церемониала и почестей, которые так беспокоили принимающую сторону, не играли для Петра большой роли: царь принимал почести как должное, но подчас старался избежать лишних церемоний. Гораздо больший интерес он проявил в Дюнкерке к устройству крепостных и портовых сооружений, каналов, шлюзов, к содержанию военных магазинов. Как уже отмечалось, этот крупный морской порт Франции находился в то время далеко не в лучшем состоянии. Царь мог осмотреть лишь остатки трёх линий мощных портовых укреплений. Два крепостных сооружения на сваях с установленными на них артиллерийскими батареями прежде стерегли узкий проход морского фарватера; они соединялись с берегами двумя дамбами из деревянных конструкций, наполненных камнями и покрытых брусьями (длина каждой дамбы — 600 тауз — примерно 1200 метров). Вход в порт с севера охранялся еще двумя каменными фортами. Наконец, ближе к городу из воды поднималось еще одно укрепление — форт Ревер. Все эти оборонительные сооружения были разрушены по условиям Утрехтского мира (апрель 1713 года), а морские подходы к городу были преграждены плотиной под тем предлогом, что Дюнкеркский порт превратился (по мнению англичан) в «гнездо корсаров». При этом торговые и рыболовные суда продолжали попадать в город по Мардикскому каналу с двумя шлюзами, построенному в 1714 году. Однако канал длиной более 6 км и шириной от 20 до 40 м сохранял возможность пропускать военные суда, поэтому Англия добивалась разрушения большого шлюза. По условиям Гаагского договора с Англией 4 января 1717 года большой шлюз должен быть разрушен, а малый — еще больше урезан. Правда, ко времени приезда Петра I постановление относительно канала не было исполнено, и движение судов по каналу было очень интенсивным.

Наиболее подробный отчет о пребывании Петра I в Дюнкерке, адресованный главе Совета по морским делам маршалу д'Эстре, сохранился в архиве морского ведомства. Он был составлен начальником портов Фландрии и Пикардии Ж. Биго де Ламоттом (Jacques Bigot de la Mothe) и датирован 25 апреля:

«Он сюда прибыл в среду вечером, 21 апреля; по приезду ему были оказаны желаемые почести как королю. В четверг утром

¹⁴ *Вагеманс Э.* Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 149.

[22 апреля] он посетил старый порт, Рисбан (артиллерийская позиция на сваях), форт Ревер, обошел их пешком и внимательно осмотрел все руины; затем он направился в арсенал, где посетил все магазины и мастерские, выясняя значение и вникая в малейшие подробности. После обеда он объехал вокруг города со стороны цитадели. В пятницу утром [23 апреля] он ездил в форт Блан, а оттуда на ниупортскую эспланаду для осмотра войск — кавалерии, драгунов, французской и швейцарской пехоты, — которые выполняли соответствующие приёмы. После обеда он направился на Мардикские шлюзы и осматривал их, а также насыпи, укрепленные фашинами (связками хвороста), тщательнейшим образом; для него шлюзы заполняли водой; он побывал на двух торговых судах и вернулся по каналу на лодке. [На следующий день] утром [24 апреля] он возвратился смотреть учения кавалерии и драгунов, которые показывали различные способы атаки и приёмы борьбы; после обеда он посетил казармы за городом, в которых он еще не был.

Этот странный монарх показался приятным и приветливым, не любящим ни заставлять других, ни сдерживать себя. Он всем интересуется, докапывается до сути, он проявляет любовь к военному делу, но особенно — к морским делам, посещая во время отлива все укрепления, которые защищали вход в порт; он не говорит по-французски <...>¹⁵.

Некоторые любопытные детали, дополняющие это описание, содержатся в донесении де Либуа от 23 апреля. По его словам, утром этого дня царь отправился еще раз осматривать Рисбан, форт Ревер и форт Блан, «где его застал прилив, что представляло некоторую опасность; он с лёгкостью вскочил на лошадь, а мы поплатились только парижской каретой, которая до того попорчена, что почти непригодна к употреблению»¹⁶.

Отдавая щедрую дань военно-морским делам, Пётр в Дюнкерке не забывал и о местных достопримечательностях. 22 апреля после обеда он посетил церковь Сент-Элуа и с интересом рассматривал её украшения и картины. Вид разоренной крепости и история разрушения Дюнкерка явно тронули царя. Он приобрел на память картины с видами французского города: 24 числа было «дано по указу его царского величества в Дункерке мужику за три картины одна пристани, другая города, третья бомбардировки Дункерка, 150 ливров»¹⁷.

¹⁵ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque* (1717). P. 159–160.

¹⁶ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 143.

¹⁷ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 59.

Антверпенская газета добавляла о пребывании царя в Дюнкерке: «Некоторые из виднейших купцов этого города через посредство князя Куракина имели честь с Его Царским Величеством разговаривать и вручили ему прошение, касающееся торговли в портах Московии, на каковое прошение сей государь соизволил ответить весьма благосклонно и заверить упомянутых купцов, что он всегда, насколько это в его власти, будет поощрять и опекать мореплавание и торговлю этого города и других портов Франции, и проч.»¹⁸.

О своем приезде во Францию царь сообщил жене 24 апреля в письме с каким-то шутивым подтекстом: «Объявляю вам, что мы четвертого дни во Вьрянки въехали со всею компаниею<...>»¹⁹. Впечатление от увиденного в Дюнкерке царь заключил в нескольких словах: «Зело жалка смотреть на руину сей фортеции, а наипаче гавани»²⁰.

Французские власти заранее позаботились о размещении царя в Париже. Вначале президент Совета по внутренним делам герцог д'Антен планировал поселить высокого гостя в отдельных апартаментах Лувра, выходящих окнами на реку, а если царь будет тяготиться шумом Парижа, то в загородной королевской резиденции Мёдон. По видимому, тогда же появилось предложение предложить ему в качестве резиденции особняк герцога Вильюа — отель Ледигьер. Пётр ещё в Дюнкерке, обсуждая этот вопрос, отдавал предпочтение частному дому и желал избежать королевских дворцов. Либуа писал: «Рассматривая план Парижа, он просил меня указать ему старый Лувр и отель герцога де Вильюа»²¹. Царю больше понравился последний. В Париж был заранее отправлен 24 апреля «для взятъ денег по вексям и для варенья пива» Иван Толстой, выступавший и в роли квартирмейстера. С ним было передано письмо царскому агенту Конону Зотову: «Г<осподин> Зотов. Письмо твое я получил, на которое отвечаю, что праздник Пасхи намерен взять в Кале, а по празднике немедленно поеду, богу изволищу, в Париж. Я посылаю к вам Толстова для взятъ денег по вексям и для варенья пива, также к моему приезду чтоб сыскать из морских офицеров одного, чтоб умел по голански говорить и при мне б был, пока я буду во Франции»²².

¹⁸ Вагеманс Э. Царь в республике. С. 163.

¹⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 64. О фривольном смысле этой фразы свидетельствует ответ Екатерины с намеком на царскую любовницу-«метресишку»: «Что-же изволите писать, что во фрянки въехали, и мне кажетца — довольно было и тех, что и отсель некоторые повезли с собой». — Там же. С. 160.

²⁰ Там же. С. 64.

²¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 147.

²² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 84. Л. 353.

Такую же просьбу о переводчике царь адресовал де Либуа. Однако кажется, он сам нашёл такового помощника в лице капитана Бара (François Cornil Bart, 1677–1733), который в дальнейшем сопровождал его во Франции. Царь настойчиво предлагал ему перейти на русскую службу, но получил отказ. Французский двор оценил патриотическую позицию своего подданного и после отъезда русского монарха наградил капитана крестом Святого Людовика²³.

Французские представители (как и иностранные наблюдатели) пытались вывести у русской стороны истинные причины поездки царя, которые были известны лишь высшим представителям власти и держались в секрете. Даже де Либуа жаловался, что «не узнал действительной причины путешествия царя, кроме простого любопытства и некоторой врожденной любознательности. Я усматриваю какие-то неясные намерения установить торговлю, но сомневаюсь в том, чтобы это составляло главную цель. Я имею возможность разузнать об этих предметах, когда получу на то ваше разрешение»²⁴. Однако маршал д'Юкселль предостерег его от дальнейших расспросов и рекомендовал «избегать обнаруживать малейшее любопытство относительно видов царя при настоящем его путешествии и продолжительности его пребывания в королевстве»²⁵. Впрочем, заинтересованные лица догадывались, что царь едет в Париж «не ради одного удовольствия».

На пути из Дюнкерка в Кале 25 апреля случилась небольшая задержка в Гравлине, где местный комендант, усердно приветствуя царя, поставил весь гарнизон под ружьё. Здесь же царь обедал.

В пять часов вечера того же дня Пётр I прибыл в Кале, где его приветствовал лейтенант королевских войск кавалер Э. де Моле (Eustache, chevalier de Molé). Царь проследовал по Королевской улице до дома здешнего президента королевского суда Ф. де Тосса (François de Thosse), который сделался его резиденцией до 4 мая. Либуа заметил, что и в Кале проявилась склонность царя к небольшим жилым помещениям: он «не поселился в лучшей комнате, а предпочитает одну из внутренних маленьких комнат, выходящих окном в сад»²⁶. Длительная остановка была сделана ради предстоящих пасхальных праздников. Из Кале царь коротко отписал жене: «Объявляю вам, что мы в прошлое воскресенье приехали сюды, слава Богу, здорово, и отсель, Богу изволишу, назовётрее праздни-

²³ *Teil J. du. Le czar a Dunkerque* (1717). P. 170.

²⁴ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 145.

²⁵ Там же. С. 155.

²⁶ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 152.

ка поедет в Париж. Новова отсель писать нечево, толко что флот аглинской пред петью днями пошел в путь свой»²⁷.

Журнал царского путешествия как всегда лаконично назвал основные события:

«В 17 [28] день его величество в Кале смотрел фортецию и салдацкую экзерцицию и был в цитаделе. В 18 [29] день смотрел француза большого мужика, имянем Николая, который зело велик, и оного его величество после вывез с собою в Россию. И был его величество в Кале до 23 [4] числа, где и праздник Пасхи взял»²⁸.

Из этого сообщения видно, что оно составлялось спустя какое-то время и, может быть, немалое. Об этом же может свидетельствовать и ошибка в числах: более точный журнал выдачи денег зафиксировал, что 27 (16) числа «дано в Кале большому мужику Николаю, которого изволил его величество смотреть, 10 червонных»²⁹. В этих записях речь идет о французе-великане Николае Буржуа, отличавшемся высоким ростом (226,7 см) и силой. Впоследствии царь женил его на высокой чухонке, желая завести породу особо высоких и могучих людей. Художник Г. Гзелль написал портрет великана. По мрачной прихоти царя после смерти Н. Буржуа из его тела было изготовлено чучело для Кунсткамеры³⁰. Литератор А.А. Нартов придумал разговор, якобы происходивший в Кале при встрече великана с царём³¹.

Царь и на страстной неделе не переставал удовлетворять своё любопытство, что еще более очевидно из подробной записки, составленной городским секретарем Габриэлем Бодье (Gabriel Baudier):

«25 апреля 1717 года царь Московии Пётр Алексеевич прибыл в Кале из Нидерландов и Голландии и отбыл отсюда 4 мая в Булонь и Париж.

Во всё время пребывания здесь он очень строго постился, был строго одет без знаков отличия по той причине, что это была страстная неделя.

²⁷ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 64–65.

²⁸ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 616.

²⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 59.

³⁰ *Беляев О.* Кабинет Петра Великого. Отд. 1. СПб., 1800. С. 190–192; *Anemone T.* Les monstres de Pierre le Grand: la culture de la Kunstkamera à Saint-Petersbourg au XVIIIe siècle // *Le Mirage russe au XVIIIe siècle* / publ. par S. Karp, L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 37–39.

³¹ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 313–314.

В понедельник 26-го он посетил порт, цитадель, городские укрепления; он сходил с лошади, чтобы измерить “пищаль из Нанси”³².

27-го он прогуливался в лодках по морю и осматривал Красный и Зеленый форты, где он выходил из лодки; во время его нахождения на море из Красного форта было сделано 6 артиллерийских залпов.

28-го он наблюдал за учениями гарнизона, выстроенного в боевом порядке перед церковью Сен-Пьер, затем он был в форте Ниёле.

В четверг 29-го он не выходил, а 30-го выходил только вечером, чтобы прогуляться от порта до цестерианского монастыря.

1-го мая он оставался дома и 2-го тоже, ибо в этот день он праздновал свою Пасху, присутствовал на службе, которую его патриарх (sic!) отправлял в часовне, специально устроенной в одной из комнат дома господина президента, где он располагался, обслуживался и питался за счет короля специально приходящими слугами.

На входе и на выходе из города, а также во время пребывания в порту, в цитадели и в форте царя приветствовали тремя залпами крепостной артиллерии.

Во все время пребывания в Кале, вплоть до 2-го мая, его люди были, как и он, скромно одеты из-за поста, но в день Пасхи они все переоделись в пышные одежды на французский манер, а особенно монарх, который был одет в этот день в красную одежду, обшитую галуном, с орденом в виде солнца с крестом внутри, осыпанном бриллиантами; он вышел вечером, чтобы нанести визит своему патриарху, который поселился в гостинице; и во время пира он выпил со своей свитой пива и полкувшина вина.

На следующий день он нанёс визит князю Куракину, расположившемуся у мадам Шарпантье де Маркур, а после обеда он прогуливался в карете за городом.

Он выехал из города 4 мая в 7 часов утра под звук трех артиллерийских залпов всей крепостной артиллерии»³³.

Де Либуа в своих донесениях подтверждал, что в Кале, «как и в Дюнкерке, он (Пётр) всё осматривал и хвалил, особенно кре-

³² Речь идет об известной в то время модели пушки.

³³ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717)*. P. 172–173.

пости и полевые укрепления». К этому королевский придворный добавлял, что 28 апреля «в час пополудни царь осматривал Лионский полк и остался им так доволен, что целый день говорил о нем с величайшей похвалою; монарх этот видел также форт Ниёле»; после посещения форта царя забавляли охотой на зайцев, и он был в очень хорошем расположении духа, даже пытался ухаживать за хозяйкой дома³⁴. «Мужикам, что зайцев ловили», было дано по указу царя 2 червонных³⁵.

Хозяин дома, где останавливался царь, Ф. де Тосс также оставил воспоминания о празднике:

«Вчера была Пасха и Его Величество был в часовне с 4 часов утра до 9, когда ему приготовили обед. Я ходил смотреть церемонию, которая достаточно красива, с музыкой не лишенной приятности. Монарх поцеловал всех господ и своих слуг, он обедал на публике, а после обеда закрылся со своими господами <...> Его Величество вышел в 8 часов вечера, чтобы навестить своих музыкантов (речь идет о певчих. — *С.М.*), расположившихся в кабаре; он там пил с ними полчаса, а затем пошел спать.

Ради праздника он казался великолепно одетым, чего не было до этого — долгое время царь был одет очень скромно в коричневый кафтан. На нём была голубая лента и его орден Святого Андрея <...> Это монарх величественного вида и очень любезный при ближайшем знакомстве»³⁶.

Де Тосс поднес царю «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря³⁷ с дарственной надписью: «L'an mil sept cent dixsept et le 28. avril François de Thosse Con^{er}. du Roy president juge general de La ville de Calais a sù l'honneur et l'avantage de presenter Ce livre des Commentaires de Coezar a Sa Majesté le Czar de la grande Russie qui luy a fait la grasse de vouloir l'accepter»³⁸. Роскошное издание благополучно сохранилось до наших дней в составе библиотеки Петра I.

3 мая Пётр поздравил жену с наступившим праздником Христова Воскресения, вспомнил о маленьком сыне («Дай Боже видеть его в радости!») и шутиливо посетовал на большую убыль водки:

³⁴ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 167, 178.

³⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 62.

³⁶ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717).* Р. 173—174.

³⁷ БАН НИОРК 2060 f.m./130.

³⁸ «28 апреля 1717 года советник короля, президент генерального суда города Кале Франсуа де Тосс был удостоен чести и преимущества поднести эту книгу Записок Цезаря Его Величеству царю Великой России, который соизволил её принять» (фр.).

«Благодарствую за венгерское, которое здесь в диковину, а крепisha (водки. — С.М.) только одна фляшка осталась, не знаю как быть. Посылаю к вам карлу францужена, которого я принял; изволте ево в приззерении иметь, чтоб нужды не имел»³⁹. «Карлой» царь назвал великана Николая Буржуа, которого отправили из Кале к царице в Голландию с сержантом Яковлевым⁴⁰.

2 мая в Кале прибыл Луи де Майи, маркиз де Нель (Louis de Mailly, marquis de Nesle, 1689–1767) — более знатный и титулованный придворный, который должен был приветствовать царя и взять на себя заботы о его переезде в Париж. Его первое впечатление о русских гостях было не весьма благоприятным: «Сегодня день их Пасхи, и чтобы достойно отпраздновать это торжество, они все напились, за исключением только царя, который, говорят, никогда не пьёт до помрачения рассудка»⁴¹. О взаимной неприязни царя и маркиза ходили разные слухи. Говорили, что французский царедворец хотел поразить царя пышностью своих костюмов, которые он менял каждый день. Это вызвало саркастическое замечание Петра: «Поистине мне жаль, что у господина де Неля такой плохой портной, что он не может найти удобного для себя платья»⁴².

Де Либуа, вынужденный подчиниться более высокопоставленному придворному, с обидой писал д'Юкселлю: «Я не замечал до настоящей минуты, чтобы царь желал иметь при себе титулованную особу»⁴³. Организуя поездку царя со свитой в Париж, представители короля столкнулись с проблемой: любознательный гость не хотел ехать в закрытой карете-берлине; с трудом удалось раздобыть для него несколько двухместных одноколок: «царь предпочитает двухместные и двухколесные экипажи со сменными лошадьми».

В результате из Кале 4 мая выехал следующий караван: 6 колясок-одноколок, 1 карета-берлин, 2 повозки, 17 царских слуг верхом. В одноколках поместились Пётр с Ягужинским, Куракин с Нарышкиным, Долгоруков с Бутурлиным, Арескин с Макаровым, Олсуфьев со священником; Шафиров из-за толщины мог лишь один поместиться в одноколке; в берлине помещались Савва Рагузинский и Толстой. Повозки были загружены постельными и кухонными принадлежностями. Верхом ехали денщик Мурзин, пажи,

³⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 65–66.

⁴⁰ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 61.

⁴¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 189.

⁴² М. Полуденский приводил этот рассказ с глухой ссылкой на мемуары д'Аржансона. Этот же сюжет был пересказан И.И. Голикову И.И. Неплюевым. См.: Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. С. 293.

⁴³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 162.

слуги царя и его вельмож. Часть большой свиты царя была послана вперед⁴⁴.

По пути из Кале в Булонь царь обедал в Маркизе. 4 мая он ночевал в Булони, где его принимали с обычными почестями. Городские власти встретили его за Новыми воротами; по улицам был расставлен караул из вооруженных горожан. Царь остановился в доме правителя города герцога д'Омона (Louis, duc d'Aumont, 1667—1723), где ему накрыли ужин. Все приготовления для ночлега были сделаны в Монтрейе, но царь решил остаться в Булони, поскольку его не устраивала коляска. Он пожелал, чтобы на каретные дроги поставили кузов его одноколки. В таком странном экипаже он продолжал своё путешествие.

На следующий день, 5 мая, Пётр прибыл к ужину в Абвиль, миновав Нёфшатель, Франк, Монтрей, Нампон, Берне и Нувьон. В Абвиле он был встречен у ворот Маркаде в пять часов вечера местным комендантом де Ла Родом и членами городского магистрата с пушечной пальбой и барабанным боем. Ему поднесли почетный бочонок вина. Царь остановился со свитой в доме некоего Жана Франсуа Буре (Jean François Bourgée) на улице Сен-Жиль. Походный журнал сообщал, что монарх «ночевал в городе Абевилле, где лутчая во Франции суконная мануфактура, которую его величество изволил смотреть сам»⁴⁵.

«Смотреть» — это слово часто употреблялось в петровском путевом журнале и в письмах. Своеобразный итог дорожным наблюдениям царь подвёл в письме к Екатерине в письме из Парижа от 10 мая (28 апреля ст. ст.): «А сколько дорогою видели, бедность в людях подлых великая»⁴⁶. Действительно, проезжая французские деревни, царь мог убедиться в крайней бедности местных крестьян, разоренных многочисленными войнами Людовика XIV. Как справедливо отметил А.Г. Брикнер, царь сравнивал французских крестьян не с русскими: «После посещения им самых богатых тогда в Европе стран, голландских и австрийских Нидерландов, его поражала бедность населения во Франции»⁴⁷.

В Абвиле к царю пытался пробиться посланник польского короля, чтобы добиться указа о выводе русских войск из Польши, однако

⁴⁴ «Отправлены из Кале на перед в Париж его царского величества служители: Авраам арап, Лакоста, трое сержантов, Черкасов, салдат Овсянников, которых велено по дороге кормить и квартиры платить из денег его величества». — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 60.

⁴⁵ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 616.

⁴⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 66.

⁴⁷ Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 1996. Т. 2. С. 155.

царь отложил аудиенцию до прибытия в Париж. Тогда же Пётр решил ускорить свой приезд во французскую столицу. 6 мая он планировал ночевать не в Амьене, а в Бове, но наконец решил ехать только до Бретея. Непостоянство желаний гостя, конечно, раздражало королевских придворных, отвечавших за его приём. Де Либуа сетовал: «Этот маленький двор весьма переменчив и нерешителен и все от престола до конюшни чрезвычайно склонны к гневу». Ему вторил де Нель: «такая переменчивость чрезвычайно затруднительна»⁴⁸.

Новый сюрприз царь преподнёс гостеприимным хозяевам в Амьене. Там управляющий округом (интендант) Л. де Бернаж (Louis de Bernage, 1663–1737), приготовил для царя обед в епископском дворце, где его ожидали также де Либуа и де Нель, прибывшие сюда заранее. Царю навстречу выслали парадную карету. Однако он, чтобы избавиться от церемоний и любопытства публики, проехал город почти без остановок, приказав эскорту следовать за ним дальше. Лишь некоторые члены свиты, как П.П. Шафиров, заехали во дворец, чтобы освежиться прохладительными напитками. Бернаж и его жена были вынуждены дать бал местному обществу, чтобы не пропали столы, накрытые для царя. Парижский журналист Ф. Бюше рассказал об этом эпизоде, когда царь отказался ехать на обед, а в ответ на замечание, что в противном случае ему не удастся хорошо пообедать, заметил: «Я солдат и если только я нахожу хлеб и пиво, я доволен»⁴⁹. Этот сюжет был пересказан А.А. Нартовым в анекдоте о Петре, который якобы затем упрекал своих приближенных, пожалевших, что в другом месте такого обеда не будет: «У вас только и на уме, чтоб пить да есть сладко. Для солдата был бы сухарь да вода, так он тем и доволен. А здесь можно найти белый хлеб и вино»⁵⁰.

В Бретея Пётр остановился на ночлег в бенедиктинском аббатстве святой Марии.

7 мая амьенская история повторилась в Бове, где местный епископ де Бовилье (François Honoré Antoine de Beauvilliers, 1682–1751) приготовил для русского гостя концерт, иллюминацию и фейерверк; комнаты, предназначенные для царя, были украшены его гербами, а в предполагаемой царской спальне были повешены портреты его отца и деда (!). Однако царь проехал город без остановки: лишь пушечные залпы оповестили горожан о присутствии высокой персоны. Как было замечено исследователем царских путешествий,

⁴⁸ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 150–151, 189.

⁴⁹ [Buchet P.F.] Abbregé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris, 1717. P. 179.

⁵⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 312.

Пётр придавал значение пушечным выстрелам и их количеству, но назойливое внимание толпы его раздражало: «царь хотел посетить страну незаметно для народа», но «очень ценил, когда в его честь гремели пушечные залпы»⁵¹. В тот день царь и его свита остановились на обед в крошечной деревне Аллон, где пообедали всего за 18 ливров. Епископ Бове приехал сюда, чтобы приветствовать царя, и услышал в ответ его извинения.

В тот же день, 7 мая, царь прибыл в Бомон, где его уже два дня ожидал маршал де Тессе, который по поручению герцога Орлеанского отвечал за приём русского посольства в столице. Здесь для царя королевскими служителями во главе с первым метрдотелем короля де Ливри был приготовлен роскошный обед. Отсюда в шести королевских каретах (каждая была запряжена шестеркой лошадей) царь и его свита отправились в Париж в сопровождении эскорта из 15 гвардейцев. Поздно вечером 7 мая (26 апреля по ст. ст.) царский поезд, миновав Сен-Дени, прибыл в столицу. Де Либуа и де Нель могли вздохнуть свободно. Жадные до новостей парижане с нетерпением ожидали приезда русского царя.

⁵¹ Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. С. 103.